

Радик ВАХИТОВ

«Урал-батыр» и судьба сэсэн

Эпос «Урал-батыр», как и другие башкирские кубаиры-сказания, передавался из «уст в уста» многими поколениями поэтов-песенников, называемых сээнами. По-видимому, это общечеловеческая традиция, имевшая место у многих народов. У казахов исполнители эпосов назывались акынами, у греков — аэдами, позже гомеридами, так как великий Гомер также был аэдом, бродячим слепым поэтом-певцом.

Сээны исполняли древние поэтизированные сказания на различных народных собраниях. Это могли быть религиозные празднества, свадьбы в состоятельных семьях, у греков — игры на горе Олимп. Все эти праздники проходили по схожему сценарию. «Титульное» мероприятие (богомолье, жертвоприношение, никах и т.п.) сопровождалось состязаниями в физических упражнениях и борьбе, соревновались певцы, танцоры, сээны (акыны, аэды). Победители награждались ценными подарками и получали народное признание.

Сээны аккомпанировали себе игрой на курае, скрипке, домбре или кубызе. При этом исполнители как бы сами становились участниками повествуемых событий, устраивали артистические сценки одного актера, жестикулировали, падали и вставали, плакали и смеялись вместе с представляемыми героями своих произведений. Молодые сээны перенимали тексты этих кубаиров у старших коллег. Иногда исполнители вносили в них свои сочинения. Между ними устраивались состязания по знанию эпосов и исполнительскому мастерству. При этом тексты «выравнивались», переходя от одного исполнителя к другому.

Так эпические сказания передавались «из уст в уста», из поколения в поколение и сохранялись в башкирском народе не только веками, но и тысячелетиями, оставаясь культурным достоянием народа благодаря человеческой памяти. Нить передачи не обрывалась, так как дублировалась множеством исполнителей.

Изустный период передачи эпических произведений до записи их на твердые носители был у каждого народного эпоса. Причем, когда эпос передавался от одного исполнителя к другому, он жил, развивался, постоянно дополнялся, увеличиваясь в объеме. Конечно, что-то при этом выпадало из человеческой памяти, но потерю одного сказителя-певца восполняли другие исполнители. И это способствовало живучести эпоса, было живой связью веков.



Мухаметша Бурангулов

Первоначально эпос «Урал-батыр» был записан Мухаметшой Бурангуловым в 1910 году от сэсэн Габита Аргынбаева (1856—1921) и Хамита Альмухаметова (1861—1923). Габит-сэсэн обучился своему искусству у известного сэсэна Ишмухамета Мырзакаева, который в свою очередь перенял исполнительское мастерство и тексты эпосов от Байк-сэсэна (1710—1814). Сэсэнны в полной мере разделили судьбу своего народа.

Башкиры с берегов Юрюзани по праву гордятся своим земляком, сэсэнном Байк Айдаром, родившимся в деревне Махмут. Он сын известного тархана Байназара, участвовал в Национально-освободительной войне башкирского народа 1735—1740 годов и в восстании 1755—1756 годов под предводительством Батырши. Эти народные выступления были жестоко подавлены. Байк-сэсэн бежал от казни в казахские степи и некоторое время жил там. Вернувшись на родину, поднимал башкир на Национально-освободительную войну 1773—1775 годов, был идейным вдохновителем Салавата Юлаева и его соратников. Есть все основания полагать, что именно он был первичным автором и исполнителем эпоса «Юлай и Салават».

Байк-сэсэн прожил очень долгую жизнь. С самого начала Отечественной войны 1812 года, несмотря на свои 102 года, он кубairaми и стихами напутствовал башкирских воинов на защиту России от нашествия войск Наполеона. Вернувшихся победителей встречал песней, названной впоследствии его именем — «Байк».

Ишмухамет-сэсэн (1781—1878), как и многие его современники, большую часть своей жизни провел на военной службе, был кураистом при начальнике 9-го Башкирского кантона Кагармане Куватове, а также при генерал-губернаторе Оренбургской губернии В.А.Перовском.

Исполнители же эпосов Габит-сэсэн и Хамит-сэсэн умерли во время голодомора в двадцатых годах XX века, когда ленинская продразверстка вымела из деревень последние зерна хлеба. Как и многие творческие люди, они не имели большого хозяйства, жили на скудные народные подаяния и были наиболее уязвимы в те лихие годы.

Участь своего народа разделил и Мухаметша Бурангулов, на судьбу которого выпали все тяготы страшного по своей трагичности XX века, вместившего в себя Первую мировую войну, Октябрьскую революцию, Гражданскую войну, коллективизацию и индустриализацию, а также Вторую мировую войну, сталинские репрессии и оттепель Хрущева. Из всех потрясений этого века только до горбачевской перестройки и развала могучей державы СССР он не дожил, умер в 1966 году.

Записав в 1910 году эпос «Урал-батыр» и этим увековечив его, Мухаметша Бурангулов совершил подвиг не только для башкирского народа, но и для всего человечества. Безусловно, он один из славных сынов башкирского народа и о нем следует рассказать более подробно, на основе первичных документов, написанных им самим, без сглаживания острых моментов и невзирая на лица тех, кто принял участие в его судьбе. Его судьба не только трагична, но и очень интересна для понимания нравов того времени.

В его архиве сохранился черновик автобиографии, написанной в 1964 году в возрасте 76 лет, незадолго до кончины [1]. Родился М.Бурангулов в семье крестьянина-середняка в 1888 году 15 декабря в деревне Урге Ильяс, бывшей Самарской губернии Бузулукского уезда (ныне Оренбургская область, Александровский район). Родители умерли в 1900 году, когда ему было 12 лет. Он жил и воспитывался у родственников.

После окончания начальной школы в 1901 году уехал в Оренбург. Летом работал в чайной Багаутдина Баязитова официантом, а зимой учился в медресе Саитовского посада в Каргалах у известного мугаллима Галикеева при 7-й мечети. Летом 1903, 1904 и 1905 годов работал в городе Актюбинске на мельнице Фаткуллы Забирова. Летом 1906 года уже учительствовал среди казахского населения Актюбинского уезда.

В летнюю пору 1907—1908 годов М.Бурангулов ездил по Башкирии в составе комиссии по переписи башкир как переводчик. Как он сам вспоминал: «Использовал этот момент для сбора башкирского фольклора». Зимой он учился в медресе «Хусаиния» в городе Оренбурге, а в лето 1909 и 1910 годов также был в экспедициях. В 1910 году он и записал эпос «Урал-батыр» и другие эпические произведения.

Что им двигало, что побуждало его записывать эпосы, песни, байты и другие произведения башкирского народного творчества? Конечно, не научный интерес. Он в те годы и представления не имел о научной работе, о филологии. Но М.Бурангулов был творческим человеком. Своим природным умом он понимал, что для создания собственных произведений нужно знать традиции и обычаи народа, его песни, сказания о прошлом, религиозные мифы. Это и побуждало его собирать фольклор. Пройдет около полувека, прежде чем собранные им материалы найдут своё место в научном учреждении и начнут изучаться. А пока они становились основой его самостоятельной литературной деятельности.

Его творческие интересы лежали в драматургии. В первой половине XX века, при отсутствии кино и телевидения, народ в глубинке развлекал себя сам. Существовало множество сельских театров и бродячих трупп, ставивших свои спектакли на деревенских подмостках. Были театры в больших и малых городах. Мечтой М.Бурангулова было написание пьес для спектаклей. Параллельно с работой учителя он начал творить свои произведения. И в этом он весьма преуспел. Несмотря на бурные события 1917 года, его драма «Ашкадар» на башкирском языке была поставлена на сценах Уфы и Оренбурга. Этой пьесой в 1919 году открылся Башкирский театр драмы, и до 1930 года она была в репертуаре этого театра.

После Великой Октябрьской революции 1917 года М.Бурангуловым были написаны и включены в репертуар Башдрамтеатра следующие пьесы: с 1919 по 1930 годы «Ялан Яркей», «Шауракей», «Абзалиловская шайка», с 1920 по 1927 годы «Буранбай», «Алпамыша-батыр», «Кара-юрга», «Кахарман-кантон», «Салим-кантон», с 1927 по 1935 годы «Башкирская свадьба», в колхозных театрах шла пьеса «Прокурор» (была опубликована в 1930 году в журнале «Октябрь», ныне «Агидель»). С 1938 года в репертуаре Башдрамтеатра была пьеса «Гульсяск», а в оперном театре — «Мерген» с музыкой композитора А.Эйхенвальда.

Наконец, в 1938 году М.Бурангулов оказался востребован как фольклорист и был принят на работу научным сотрудником в Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. Здесь он продолжил работу по сбору фольклора и начал его публикацию. Он сумел издать эпос «Идукай и Мурадым» в двух вариантах в газете «Кызыл Башкортостан» и в журнале «Октябрь». На основе собранного фольклорного материала продолжал писать рассказы, пьесы и либретто.

В сезонах 1940—1944 годов на сцене Башкирского академического театра ставилась его судьбоносная пьеса «Идукай и Мурадым» по одноименному ге-

роическому эпосу. Как видим, М.Бурангулов оказался успешным драматургом и владел бесценным фольклорным материалом, собранным в гуще народа. Поэтому его произведения были реалистичны, отличались понятностью, жизненностью и пользовались популярностью у зрителей.

Завистников хватало. Нередко его пьесы, сданные в театр, ставились на сцене под именами других авторов. В заявлении о приеме в Союз советских писателей Башкирии он с горечью писал: «Пьесы, которые я давал к постановке в театрах или к выпуску в печати издательством, присваивались и выпускались разными проходимцами. Например, в 1918 году я сдал директору Казанского театра А.Кирееву рукопись пьес «Ашкадар» и «Зянгар шаль». Пьесу «Зянгар шаль» присвоил Карим Тинчурин, который тогда работал с А.Киреевым. В 1919 году мою пьесу «Карагул», переданную мной руководителю Башкирского театра Муртазину, присвоил Д.Юлтый, изменив отдельные места (действительно, в энциклопедии «Башкортостан» пьеса «Карагул» числится за Д.Юлтыем. — **P.B.**). Он же в 1927 году присвоил другую мою пьесу «Ялан Яркей», сданную в Башгостеатр. Мою пьесу «Башкорт туге» присвоил В.Муртазин. О двух последних пьесах я подал в суд. Суд признал меня автором пьесы «Ялан Яркей» и соавтором пьесы «Башкорт туге» вместе с Муртазиным. Решение суда о соавторстве было незаконно. Это получилось потому, что тогдашние авторитеты, такие как Даут Юлтый и Губай Давлетшин пошли в суд в качестве свидетелей на стороне Муртазина».

Получается, Д.Юлтый присвоил себе авторство пьесы «Ялан Яркей». Как могли быть соавторами пьесы «Башкорт туге» Бурангулов и Муртазин, если вместе её не писали? Но что мог сделать простой учитель против наркома просвещения БАССР Г.Давлетшина, оказавшего давление на суд?

Его не обошли стороной и сталинские репрессии. М.Бурангулов также попал под «красное колесо». Его обвиняли в национализме и участии в валидовщине (движении за суверенитет Башкортостана под руководством А.-З.Валидова). Арестовывали по обвинению в валидовщине трижды — в 1920, 1930 и 1937 годах, но каждый раз освобождали из-за отсутствия состава преступления. К тому же, в 1937 году валидовщина, как не затрагивающая интересы Сталина, стала неактуальной, на политическую сцену вышла борьба с троцкизмом и М.Бурангулова на время оставили в покое.

Но спокойная жизнь человека, имевшего три ареста по политическим обвинениям, не могла быть долгой. Он просто не мог остаться нетронутым: либо расстрел, либо сталинские лагеря на длительный срок. И ему стали лепить обвинение в национализме, хоть и не было такого преступления в Уголовном кодексе РСФСР, а слово «национализм» до этого содержало в себе положительный смысл.

Почему выше пьесу «Идукай и Мурадым» я упомянул как судьбоносную для М.Бурангулова? Сначала национализма в ней никто не находил. Она с большим успехом шла на сценах разных театров, была положительная рецензия в «Литературной газете» в 1940 году, где отмечалось, что Идукай и Мурадым были башкирскими народными героями, боровшимися против Золотой Орды, против хана Туктамышы.

Но времена меняются, меняются и люди. В 1943 году председателем правления Союза советских писателей БАССР стал Сайфи Кудаш. В Великой Отечественной войне 1941—1945 годов он не участвовал, имел бронь. Он и возглавил борьбу с «врагами народа» среди писателей Башкирии. В конце 50-х

годов XX века к 40-летию БАСССР ему собирались присвоить звание «Народный поэт БАСССР». Однако группа молодых литераторов, в которую входили Рами Гарипов, Булат Рафиков и другие, обратилась письмом в ЦК КПСС с протестом, отметив его деятельность в организации репрессий среди писателей. Тогда и стал достоянием общественности протокол одного из собраний писателей, на котором С.Кудаш призывал ужесточить борьбу с врагами народа в писательской среде. Он поставил в пример себя, заявив, что, несмотря на свое слабое здоровье (прожил 99 лет), разоблачил уже много врагов. Одним из них был Мухаметша Бурангулов.

Из заявления М.Бурангулова на имя Н.С.Хрущева, Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР:

«Некоторые клеветники, любители дешевого слова, которые занимались творением из мухи слона, пользуясь жестокостью Сталина, беспощадно клеветали на честных людей и умывались их слезами. Именно такие, как Сайфи Кудашев, Мустай Каримов, Кирей Мэргэн, [Абу]Бакир Усманов и Ахнаф Харисов в 1946 году 26 августа представили в ЦК ВКП(б) доклад о репертуарном плане драматических театров. В этом докладе они взяли на заметку мою драму «Идукай и Мурадым» и в этой связи пытались меня оклеветать и обвинить в чем-то. И действительно, в 1950 г. по их инициативе по приговору Особого совещания я был осужден на 10 лет и был выслан в лагерь. Освободился после смерти Сталина в 1956 году».

Вот как коллеги-писатели травили М.Бурангулова и мостили ему дорогу в места не столь отдаленные. Были проведены собрание писателей г.Уфы 19—20 сентября, а затем и открытое партийное собрание писателей-коммунистов 25 октября 1946г. На следующий же день они собрали Правление Союза советских писателей БАСССР.

Протокол №10 от 26 октября 1946 г.

Расширенного заседания Правления Союза советских писателей БАСССР
(ССПБ)

Участствуют: члены Правления ССПБ — С.Кудаш, Г.Зулькарнаев, Х.Карим, Г.Амири, Р.Нигмати, С.Агиш и писатели — А.Харисов, А.Валеев, С.Кулибай, М.Бурангулов, Б.Бикбай, А.Киреев, Г.Гузайров, А.Усманов — директор Башкирского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

Председатель С.Кудаш.

Секретарь А.Киреев.

Повестка дня:

1. Об итогах общегородского собрания писателей от 19—20 сентября и открытого партсобрания от 25 октября 1946г.

2. Оргвыводы.

Слушали: Г.Зулькарнаев — изложил о решениях собраний, об ошибках и недостатках башкирской современной литературы в свете решений ЦК ВКП(б). Рассказал о творчестве М.Бурангулова, в котором наиболее ярко выражены основные ошибки — националистические тенденции. Все творчество Бурангулова пропитано национализмом. В написанных им пьесах на исторические темы история башкирского народа извращается в пользу националистических явлений. Вещи, написанные на современные темы, являются грубым извращением советской действительности. Тов. Зулькарнаев предлагает сделать оргвыводы по отношению Бурангулова, решить вопрос о его пребывании в Союзе советских писателей.

А.Усманов — говорит об искажениях Бурангулова в области фольклора. Он ударился в ложный путь, стал создавать псевдонародные вещи, искаженные в пользу чуждой идеологии.

Х.Карим, А.Харисов, Г.Амири — выступали за исключение Бурангулова из Союза советских писателей.

С.Кудаш: Мы ещё никогда не слышали от Бурангулова искреннего признания своих ошибок. Выпущенный им сборник «Эпос о богатырях» — это псевдонародная вещь. Творчество народа не может быть реакционным. Только фальсификаторы, подобные Бурангулову, извращают жемчужины народного творчества. Было предложение об исключении его из союза писателей. Я — поддерживаю.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Заслушав информацию ответственного секретаря ССП Башкирии т.Зулькарнаева о крупнейших националистических ошибках в творчестве писателя М.Бурангулова, расширенное заседание правления постановляет:

а) за весь период своего творчества Бурангулов М. не создал ни одного выдержанного в идейном отношении произведения, все его произведения на исторические темы были пропитаны духом приукрашивания прошлого, духом защиты патриархально-феодального строя, духом национализма (пьесы «Идукай и Мурадым», «Башкирская свадьба», «Гульсясьяк» и многие другие), тем самым он своим творчеством оказался не на платформе советской власти;

б) собирая устное творчество башкирского народа, искажая, фальсифицировал его в угоду националистических идей, противопоставлял башкирский народ русскому народу (эпос «Идукай и Мурадым» и др.);

в) произведения Бурангулова, написанные на современную тему («Дети бабушки Сарби», «Пример» и др.), являются опошлением советской действительности;

г) произведения Бурангулова «Эпос о героях», «Идукай и Мурадым» были резко осуждены в двух постановлениях ЦК ВКП(б), как вредные, антинародные, националистические;

д) Бурангулов М. в прошлом был религиозным деятелем (муллою), позднее деятелем контрреволюционного националистического движения, до последнего времени не мог освободиться от националистической идеологии, что отразилось в его творчестве.

Руководствуясь параграфами 2 и 5 Устава Союза советских писателей СССР, М.Бурангулова исключить из членов ССП СССР и просить секретариат ССП СССР утвердить данное решение.

Просить Литфонд СССР снять Бурангулова М. с должности уполномоченного Литфонда по Башкирии.

Просить Верховный Совет БАССР снять с Бурангулова М. звание «Сэсэн», как не оправдавшего это почетное звание.

В этом протоколе отражены все истинные причины неугодности М.Бурангулова. Конечно, никаким врагом народа он не был и контрреволюционной деятельностью не занимался. Всё гораздо проще. Чиновничья структура управления писателями в СССР имела одну особенность. На съезде писатели избирали Правление своего Союза и председателя Правления. Эти руководящие органы следили за творческим процессом, подавали в Башкнигоиздат списки рукописей, подлежащих изданию в

виде книг, представляли к наградам и государственным премиям, принимали новых членов в Союз. А материальными благами, выделяемыми государством для писателей, такими, например, как путевки в различные Дома творчества, санатории и другими, распоряжался Литфонд во главе с уполномоченным по региону, которым в Башкирии и был М.Бурангулов.

Это очень важная сторона творческой деятельности. Писатель, получив путевку в Дом творчества в Малеевке или Переделкино под Москвой, мог работать целый месяц на всем готовом, не заботясь о быте. Кроме того, к его услугам были столичные библиотеки, архивы, издательства, редакции толстых журналов. Он мог общаться с коллегами из других регионов.

Традиции здесь таковы, что распределение путевок старается подмять под себя председатель Правления, а объяснения по отказам остаются на долю уполномоченного Литфонда. На этой почве между ними часто идёт скрытая от глаз война. Надо полагать, что неуступчивый Бурангулов не согласился с таким распределением ролей, чем и вызвал агрессию со стороны Сайфи Кудаша — председателя Правления Союза писателей. Остальное, как говорится, было «делом техники».

Бурангулов занимался сбором и обработкой фольклора, а фольклор национален по определению, иным он быть не может. Так что обвинить Бурангулова в национализме было нетрудно. Кроме того, эпосы, которые он собирал, несли историческую составляющую. Тот судьбоносный для Бурангулова эпос «Идукай и Мурадым», по которому он сочинил пьесу, не был простым повествованием о башкирских героях-богатырях. Эпос имел историческую основу и рассказывал о борьбе башкирских родов и их биев с ханом Туктамышем, а история в советские годы тесно переплеталась с политикой. Исторические перипетии и дали возможность обвинить М.Бурангулова в политическом преступлении.

Хан Туктамыш был чингизидом, потомком Чингизхана, одним из лидеров после ордынского времени, ещё на 18 лет сплотившим восточные осколки Золотой Орды под своей единой властью. Однако западные осколки, в том числе и Русь оказались под властью Мамай, соперника Туктамыша в борьбе за ханство в Орде. Но Мамай, обладая недюжинным талантом организатора и полководца, был узурпатором, не имевшим по происхождению права на престол. Он не был чингизидом, а был лишь гургеном, зятем ханской семьи, женатым на дочери Бердибека, хана Золотой Орды.

Московский князь Дмитрий (вскоре Донской) правил Русью под ярлыком от Мамай. Когда Мамай в очередной раз потребовал от Дмитрия уплаты ему дани, воспротивилась Русская православная церковь, ориентированная на законных правителей Золотой Орды, давших ей большие привилегии. Митрополит Сергей Радонежский подбивал князя Дмитрия дать бой Мамаю, и церковь стала стягивать ополчение к Коломне.

Как известно, Дмитрий и Мамай сошлись на Куликовом поле. Ни тот, ни другой битвы не желали. Достоверно известно лишь то, что состоялись два поединка. Первыми против богатырей Мамай вышли не воины из дружины Дмитрия, а монахи Троицкой лавры Пересвет и Ослябя, посланные Сергием Радонежским. Боевой дух их был крепок, но противостоять профессиональным воинам Мамай они, конечно же, не могли. Оба были убиты мгновенно. Похоже, на этом все и кончилось. Большой битвы не было. Есть много свидетельств этому, подробно они изложены в моей книге «От Урал-батыра до Салавата Юлаева» [2]. Главные из них — на Куликовом поле за прошедшие 630 лет не обнаружено никаких

следов битвы. Как только не искали, даже с помощью современных приборов. Нашли лишь одну кольчугу и кусок металла, принятый за фрагмент доспеха воина. И ни одного захоронения. А по «Сказанию о Мамаевом побоище», на основании которого строится история Куликовской битвы, здесь, якобы, с обеих сторон погибло 760 тысяч человек. Монахи Пересвет и Ослябя, действительно павшие на Куликовом поле, были привезены и похоронены в Москве. Их тела были обнаружены при раскопках на территории Московского Кремля.

Для Дмитрия эта битва была смерти подобна. Он видел, что против его пешего народного ополчения, плохо вооруженного, неорганизованного, стояли ряды профессиональных бойцов, хорошо вооруженных, обученных, верхом на прекрасных конях. Даже если ценой огромных потерь он победил бы, то его легко добил бы союзник Мамаю, литовский князь Ягайло, находившийся со своим войском на расстоянии одного дня пути от Куликова поля. Это был бы конец Московского княжества и всей православной Руси. Поэтому он в очередной раз покорился Мамаю и заплатил «выход». Мамай получил дань и ушел с Куликова поля, что историки назвали «бегством», а Дмитрий возвратился в Москву «победителем».

Но такая сделка не устроила хана Туктамыш. Он настиг Мамаю в южнорусских степях, близ современного Мариуполя. Едва войска Мамаю и Туктамыша выстроились перед боем, как всадники Мамаю сошли с коней, сняли шлемы и склонили головы перед законным ханом, чингизидом Туктамышем. Мамай бежал к Черному морю в город Кафу, где его и убили генуэзские купцы.

Хотел наказать Туктамыш и князя Дмитрия, уже названного Донским. Наказать за подчинение узурпатору Мамаю и уплату ему дани. Через год Туктамыш подошел к Москве, но великого князя не застал. Князь Дмитрий, предупрежденный о нашествии хана, бежал в костромские леса якобы собирать войско. Жену и детей бросил в Москве на зятя татарина Худайкула. Хан Туктамыш без труда захватил Москву и сжег её. При этом погибло 24 тысячи её жителей.

Конечно, всего этого нет в учебниках истории. Поэтому первоначально пьеса М.Бурангулова «Идукай и Мурадым», поставленная по одноименному башкирскому эпосу, воспринималась советской цензурой благосклонно — какие-то башкирские вожди поймали и порубили какого-то ордынского хана. Всё в русле патриотизма. Пьесу хвалили, она имела положительную критику. Но когда выяснилось, что башкирские воины убили самого Туктамыша, взявшего и сжегшего Москву, вновь установившего свою власть над Русью, отношение к пьесе поменялось. Заодно стали принимать одного из героев — Идукая за ордынского полководца Едигея. Автора начали обвинять в национализме, в возвеличивании башкирских биев, противопоставлении башкир русскому народу. А на деле выходило, что башкиры помогли Руси, убив Туктамыша.

Однако постановление Правления Союза советских писателей БАСССР об исключении Бурангулова из его рядов не было утверждено Москвой. Московские писатели и историки начали понимать, в чем тут дело, но им мешали активные действия уфимских коллег. Казалось, руководству Союза писателей Башкирии можно было и успокоиться, но коллеги-писатели не унимались. Третий год продолжалась травля М.Бурангулова чиновниками Союза советских писателей БАСССР. Её поддерживал и Башкирский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы в лице директора Абубакира Усманова.

Из письма от 13 апреля 1949 года председателя Правления ССП БАСССР А.Харисова и секретаря Правления Х.Каримова в бюро Национальной комиссии Союза писателей СССР тов.Скосыреву П.П.:

«26 октября 1946 года Бурангулов был исключен из числа членов ССП. Причиной этого послужила пропаганда Бурангуловым М.А. в своем творчестве националистических идей, идеализация патриархального прошлого башкирского народа, грубое искажение исторической правды.

Как известно, секретариат Союза СП СССР своим постановлением от 21 ноября 1947 года оставил Бурангулова М.А. в числе Союза писателей, дав ему испытательный срок».

Далее авторы этого письма продолжают клеветать на Бурангулова. Якобы он не оправдал доверия, продолжает прежнюю линию в своем творчестве. Несмотря на то, что Бурангулов религиозной деятельностью не занимался и лишь в молодости преподавал в медресе при мечети, его называют муллой. И в заключение спрашивают: «Можно ли и следует ли оставить его в дальнейшем в рядах Союза писателей?»

Настойчивость, достойная иного применения. Как хотелось отправить непокорного коллегу в места не столь отдаленные! В 1948 году председателем Правления Союза писателей БАССР стал Ахнаф Харисов, земляк, односельчанин А.Усманова. До этого Харисов работал старшим научным сотрудником в Институте истории, языка и литературы, занимался, как и Бурангулов, башкирским народным творчеством, но по сравнению с ним имел очень скромные успехи как в писательской деятельности, так и в исследовании литературного наследия башкирского народа. Устранение Бурангулова открывало для него перспективы единоличного владения темой башкирского народного творчества — важнейшей в башкирском литературоведении. Этим и объясняется его активность в деле Бурангулова. Но это были уже послевоенные годы. Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) больше занимался дезертирами, предателями, полицаями и другими преступниками военной поры. Лагерь были забиты военнопленными и изменниками Родины. Национализм уже не считался государственным преступлением. В годы Великой Отечественной войны государство само стремилось обострить национальные чувства бойцов, возвеличивая национальных героев. Был созданы фильмы «Александр Невский», «Салават Юлаев» и другие. Однако порядки в то время были такие, что любой донос не оставляли без последствий. Это могло плохо закончиться для сотрудников карательных органов. Все исключения из творческих союзов по политическим мотивам направлялись в НКВД. И вот в 1950 году Мухаметша Бурангулов был арестован в четвертый раз.

После его ареста некто Агзам Валиев, воспользовавшись своим служебным положением прокурора, выселил супругу М.Бурангулова из их квартиры в какую-то комнату без удобств. Она не смогла взять в эту комнату ни библиотеки, ни мебели. Всё осталось у новых хозяев. Они выбросили в мусор бесценные оригиналы, рукописные экземпляры башкирских кубаиров, в том числе и эпоса «Урал-батыр», над которым он продолжал работать. Лишь отредактированный и отпечатанный на пишущей машинке вариант «Урал-батыра», сданный в Башкирский институт истории, языка и литературы, сохранился в его архиве. Как видим, и прокурор имел свой интерес в аресте и осуждении Бурангулова. Все обстоятельства сходились против него.

Слабый луч надежды сверкнул в суде. Согласно ст.40 Закона о судопроизводстве СССР, союзных и автономных республик, его дело должно было рассматриваться в Верховном суде БАССР. Но поскольку его обвинение не было подтверждено соответствующими доказательствами, то Верховный суд БАССР дело к своему рассмотрению не принял. Доказательств

вины М.Бурангулова не оказалось, был лишь коллективный донос коллег-писателей. Получилось так, что Бурангулов должен быть освобожден и на этот раз. Но тогда пришлось бы выселять прокурора Валиева из его квартиры, возвращать имущество, в том числе рукописи Бурангулова. мог возникнуть скандал и полетели бы прокурорские головы, их также не щадили во времена культа личности Сталина. Образовалась нежелательная для прокуратуры ситуация и сторона обвинения передала дело Бурангулова на рассмотрение Особого совещания. Здесь доказательств не требовалось. Особо уполномоченные три человека — «тройка» приговаривала к расстрелу и отправляла за решетку без следствия и доказательств. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 1950 года М. Бурангулов был осужден по статьям 58-10 ч.1 и 58 УК РСФСР и приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет.

Для сравнения приведу такой пример. В нашей деревне Старые Каратавлы Салаватского района некто Галеев Хурматулла (имя и фамилия изменены в интересах детей и внуков) был выявлен и разоблачен как служивший у немцев полицай, носивший форму и оружие врага. Всё это подтверждалось фотографией, привезенной домой им самим и случайно найденной при обыске. Так вот, этот предатель, изменивший Родине и служивший у врага, получил те же самые 10 лет лагерей. Отсидев свой срок, он вернулся в родную деревню, завел семью, жил и работал в колхозе. А что самое удивительное — на кладбище, где он похоронен, есть памятная доска «Они защищали Родину», его имя и фамилия обозначены там. Преступление ему простили, а за те несколько месяцев, которые он провел в рядах Советской Армии, оказался в числе доблестных защитников Отечества.

Бурангулову не простили ничего, и он был изгоем общества до самых последних своих дней. Хотя и прощать-то было нечего. Обвинения были надуманы завистливыми коллегами, он не представлял для общества никакой опасности. Извратив его драму «Идукай и Мурадым», придав ей иной исторический смысл, автора обвинили в политическом преступлении. Мухаметша Бурангулов попал за решетку, когда ему было уже более 60 лет. Каково было в этом возрасте валить лес, но он не сломался, жил надеждой.

Свобода пришла. Во время «хрущевской оттепели» М.Бурангулов был амнистирован в 1956 году согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 3.9.1955 года. Вернувшись домой, в Уфу, он обратился к прокурору Башкирской АССР с просьбой о реабилитации:

«Я, как башкирский писатель, написал более 50 произведений. Национализм нашли в моей драме «Идукай и Мурадым». Сначала национализма в ней не находили и она с большим успехом шла на сцене в театрах. Была положительная рецензия в «Литературной газете» в 1940 году, которая написала, что Идукай и Мурадым были башкирскими героями, боровшимися против Золотой Орды, и они действительно были народными героями, боровшимися против хана Туктамышша. Позднее в этой драме нашли национализм, меня арестовали и осудили за написание этой драмы.

В отношении меня допущена ошибка. Я прошу её исправить и снять с меня незаслуженное пятно врага Советской власти. Я пожилой человек, мне сейчас 68 лет, в лагере показал себя с положительной стороны, активно участвовал во всех общественных мероприятиях, работал бригадиром, к работе относился хорошо. Сейчас являюсь инвалидом труда второй группы».

Мой отец Вахитов Шакир Казыханович работал в те годы начальником следственного отдела Прокуратуры БАССР. Через этот отдел прошли все дела по реабилитации лиц, незаконно репрессированных во времена культа личности Сталина. Отец хорошо помнил дело М.Бурангулова, рассказывал, что даже в той череде надуманных, клеветнических обвинений, основанных на ложных доносах, оно поражало своей необычностью, предвзятостью и грубым произволом в отношении пожилого человека. «Гнилые люди из числа его коллег-писателей сфабриковали против него это обвинение. Лейтенант госбезопасности, который вел это дело, башкирские эпосы не знал, в тонкостях пьес не разбирался», — добавил отец.

Он представил М.Бурангулова к реабилитации, однако не быстро крутилось колесо судебного разбирательства. Наконец, в 1959 году Бурангулов был реабилитирован Верховным судом БАССР и восстановлен в членах Союза писателей СССР, ему вернули почетное звание «Народный сэсэн БАССР».

Но, в отличие от того полица Галеева, служившего у немцев, ему спокойно работать не давали ни на писательской стезе, ни над фольклорным материалом. Его произведения не печатались.

«Хрущевская оттепель» оказалась действительно лишь короткой порой потепления в отношениях к незаконно репрессированным людям. «Верные сталинцы» оставались на своих местах и даже поднялись выше. Они не оставляли надежды отомстить за свержение культа личности Сталина, ибо они сами создавали этот культ. А незаконно репрессированных, несмотря на полную реабилитацию, старались задеть и обидеть при каждом удобном случае.

Так, в 1961 году на собрании партийного актива БАССР секретарь обкома Сайранов, курировавший культуру, вновь прошелся по трудам М.Бурангулова. А Мустай Карим, будучи председателем Союза писателей БАССР, заявил: «Поторопились мы принять в Союз писателей старика Бурангула!» Узнав об этом, М.Бурангулов с горечью отметил в одном из заявлений: «Мустай Карим меня в Союз не принимал. Я стал членом Союза писателей, когда он ещё в школу ходил. Это они забыли. Я судом заставил их восстановить меня».

Он не сдавался, написал заявления на имя секретаря ЦК КПСС М.Суслова, а потом — первого секретаря Башкирского обкома КПСС З.Нуриева. Письмо на имя М.Суслова было направлено в Башкирский обком КПСС. Здесь был написан и отправлен в Москву ответ, принижающий творчество М.Бурангулова. Лишь после этого, чтобы надавить и заставить замолчать, его пригласил секретарь обкома Т.Ахунзянов. Он заявил Бурангулову: «В собранном тобой фольклоре никакой ценности нет!» На что тот ответил: «Я представил к печати эпос «Урал-батыр» — ценности нет, а как только А.Харисов опубликовал другой вариант, историческая ценность вдруг появилась? Если Вильданов, Бардин, Нури Тагиров, Бурангулов сдают статьи, написанные на этом фольклоре, под своим именем — ценности нет, и они не публикуются. А если стоит имя Кирея Мэргэна на этом материале — ценность появляется».

Ахунзянов заявил: «Твои драматические произведения на сегодняшний день не служат строительству коммунизма!» Бурангулов на это резонно ответил: «Когда вам надо, вы их используете. Абубакир Усманов, будучи секретарем обкома, отправил на декаду искусств в Москву мою пьесу «Башкорт туе» («Башкирская свадьба»), но не под моим именем — нельзя! Поставил автором Кадыра Даяна. А представляющая дикие нравы пьеса Мустая Карима «Кыз урлау» («Похищение невесты») — она что, служит строительству коммунизма?»

Не удовлетворенный разговором с Ахунзяновым, он обратился с заявлением к первому секретарю Башкирского обкома КПСС Нуриеву З.Н. : «Мне сейчас 74 года. Проработав 35 лет учителем, получаю пенсию. Пятьдесят лет, плохо ли, хорошо ли, служил литературе. Хочу посвятить этому и остаток дней своих. Но есть люди, противодействующие мне, мешающие. Просил бы вас поддержать меня в этих делах, товарищ Нуриев».

Но тщетно. Вести активную жизнь, публиковать свои труды ему не дали. Великий эпос «Урал-батыр» при жизни М.Бурангулова не был опубликован. И по сроку заключения, и по отношению к нему, несмотря на законную реабилитацию, Мухаметша Бурангулов был приравнен партийными чиновниками к тому изменнику Родины, полицаяу Галееву, служившему врагам с оружием в руках.

Пока он пребывал в заключении в лагере, в Башкирии сформировалась партийно-литературная верхушка с участием видных уже писателей и историков. В заявлениях Бурангулова в разные инстанции упоминаются четверо, оставившие черный след в его судьбе: Сайфи Кудаш, Мустай Карим, Ахнаф Харисов и Абубакир Усманов. Когда М.Бурангулов, вернувшись из заключения и добившись реабилитации, стремился продолжить свою литературную деятельность, Мустай Карим, будучи председателем Правления Союза писателей БАССР, поставил крест на публикациях его материалов. И не только его. Без рекомендации Правления Союза писателей БАССР ни одна книга не могла увидеть свет через Башкиргиздат. В такой же опале долгие годы была известная башкирская писательница Зайнаб Бишева. Её романы публиковались сначала в Москве в переводе на русский язык, лишь потом, вынужденно — в Уфе на башкирском. Отношение Башкирского обкома КПСС и Союза писателей БАССР к Бурангулову блокировало выпуск его произведений и в периодической печати, в журналах и газетах. Он испил чашу душевной горести до дна. После освобождения и реабилитации не смог опубликовать ни одного своего произведения. Он так и ушел из жизни не признанным и фактически не реабилитированным. Только смерть М.Бурангулова и освободила эпос «Урал-батыр» от тяжелых пут его прошлого. Вскоре эпос увидел свет в журнале «Агидель», хоть и в сокращенном и искаженном виде. Но через 44 года, к 100-летию записи эпоса нашлись люди, которые стали отрицать народное происхождение эпоса и попытались «перекинуть» авторство на самого М.Бурангулова.

Когда устная передача эпоса завершается его записью, всегда появляется человек, чьими стараниями это делается. И со временем рождается традиционный вопрос: «А может быть, он сам сочинил этот эпос?» И чем значимее произведение, тем больше споров об авторстве. Вдобавок к этому вмешивается политика, ибо её деятели всегда стремятся поставить историю себе на службу. А эпосы всегда несут в себе историческую составляющую, часто перемешанную с мифами.

Не избежал этой участи и эпос «Урал-батыр». Он стал известен общественности на башкирском языке в 1968 году после публикации в сокращении в журнале «Агидель» [3] через два года после кончины М.Бурангулова. Точнее, это был крайне неумело отредактированный вариант, сохранившийся в Институте истории, языка и литературы. На русском языке этот вариант был впервые опубликован в 1975 году [4]. В последующие годы шла неторопливая и незаметная работа над ним. Филологи, усмотрев в эпосе безобидную мифическую основу, исследовали языковые и стилевые особенности, связи с другими фольклорными материалами башкирского народа. В общем, — фольклор, развлекательное

произведение наподобие протяжных песен или пословиц. Исторической составляющей никто в нем не видел. Эпос изучался без критики и оппонентов.

Всплеск произошел, когда С.Галлямов начал писать об общих сюжетных линиях в эпосе «Урал-батыр» и шумерском «Сказании о Гильгамеше» [5]. Заговорили о сходствах с зороастрийской «Авестой». Стало высвечиваться, что это произведение народного творчества выходит на мировой уровень. Но как только выяснилось, что эпос «Урал-батыр» является уникальным произведением, описывающим жизнь людей в глубокой древности, так сразу стали высказываться сомнения в его подлинности, народности.

С одной стороны, было проще отнести создание эпоса к творческим деяниям М.Бурангулова, действительно, большого знатока башкирских эпосов, чем принять изустную передачу текста на протяжении тысячелетий. Не смутило даже то, что образование М.Бурангулова ограничивалось медресе при мечети. Однако устную передачу текста через тысячелетия трудно было даже представить, и не только потому, что очень уж тонок и хрупок этот процесс для такого большого периода времени. Просто считалось, что на Урале никакой творческой культуры в древности не было, а башкиры, хранители и носители этого эпоса, зародились как народ лишь в X веке нашей эры в Приаралье, на берегах Сыр-Дарьи и ещё долго скитались по степи, прежде чем прийти и осесть на Южном Урале [6].

С другой стороны, эпос дошел до нас на башкирском языке, был записан в среде башкирского народа, переключается со многими другими башкирскими эпосами. Не приходится сомневаться в том, что это произведение является творческим наследием древних предков башкирского народа. Приняв эпос как народное произведение, пришлось бы признать, что древние предки башкир сформировались как автохтонный этнос именно на Урале, дав название этому обширному региону и закрепив это название в своём эпосе «Урал-батыр» задолго до появления этнонима «башкорт», с которым ученый мир связывал начало этногенеза башкирского народа.

Изустная передача текста эпоса «Урал-батыр» воспринималась с недоверием. Однако нашлись и другие прецеденты. Священные сказания индусов «Ригведа» и зороастрийцев «Авеста» также передавались устно из поколения в поколение на протяжении многих веков и были записаны лишь на рубеже нашей эры. А сколько в устной форме существовала Библия и откуда она набрала свои сюжеты, не знает никто. Несмотря на то, что теологи иудаизма заявляют о начале записи Библии в XIII—XII веках до н.э., в «Истории» Геродота (V в. до н.э.) мы не найдем даже упоминания о Библии и иудаизме [7]. У «отца истории» нет и намёка на библейские постулаты о божественном происхождении жизни на Земле, о всемирном потопе и о других краеугольных корнях Библии. А ведь Геродот достаточно подробно описал религиозные традиции не только Скифии, Эллады, Восточной Европы, но и Ближнего Востока, Персии и даже Египта.

Появление библейских книг становится реальностью лишь в I—II веках уже нашей эры в связи с развитием христианства. Таким образом, изустный период передачи содержания Библии составляет не менее целого тысячелетия. Но Библия стала основой не только иудаизма, но и христианства, а также ислама. Поэтому Библия принята мировой общественностью «на веру», критиковать её не принято, наоборот, все новые археологические открытия на Ближнем Востоке сверяются с Библией с целью подтверждения библейских сюжетов.

У эпоса «Урал-батыр» была иная судьба. Тенгрианская религия, основой которой был этот эпос, ушла в прошлое ещё в Средневековье, вытесненная исла-

мом. В это время на Урале появилась письменность в виде арабской графики, но владели ею исключительно мусульманские духовные служители и использовали свои познания лишь для чтения Корана. Поэтому запись эпоса «Урал-батыр» оказалась возможной лишь после того, как башкирская интеллигенция стала использовать её в целях, отличных от религиозных. Как известно, записал эпос «Урал-батыр» М. Бурангулов в 1910 году, окончив медресе при мечети и работая в то время переписчиком населения. Можем полагать, что первоначально эпос «Урал-батыр» был записан с помощью арабской графики на так называемом «тюрки», которым башкиры пользовались с XVIII века, со времен Салавата Юлаева.

Наступил 2010 год — вековой юбилей записи эпоса. В газете «Республика Башкортостан» [8] вышла моя статья «Сколько лет «Урал-батыру»?» В ней затрагивалось несколько ключевых моментов. Во-первых, я попытался по-своему датировать текст. Такие попытки делались и до меня. Сведения для этого брались из самого текста. Но замыкание на анализе текста не позволяло исследователям уточнить начало сложения эпоса.

Выйти за пределы текста можно было, лишь изучив детали и связи эпоса с другими аналогичными произведениями. В статье были затронуты связи эпоса «Урал-батыр» с Библией, «Авестой» и башкирскими пословицами, созвучность с древним киргизским эпосом «Манас». Отмечалось, что эпос «Урал-батыр» коренным образом противоречит кочевнической концепции происхождения башкирского народа.

В статье говорилось об одновременном проживании предков башкирского народа с пещерными львами, упомянутыми в эпосе. Археологически установлено, что пещерные львы обитали на Урале в эпоху верхнего палеолита, что и послужило отправной точкой при датировании начала сложения эпоса. И главное, отмечалась консолидация предков башкирского народа на Южном Урале ещё в древности, в их древнем государстве во главе с Урал-батыром, известным древнегреческим авторам как Уран. В статье указывались конкретные признаки существования этого государства, сведения о котором дошли до российского историка В.Татищева [9]. Отмечалось, что древние предки башкир обожествили Урал-батыра на уровне Тенгри — Чистого Голубого Неба, а под именем Уран он вошел в их мифы, и его имя стало названием третьей по величине планеты Солнечной системы — Уран [10].

Конечно, заявления были сделаны весьма смелые, но не голословные, основывались они на конкретных фактах. Однако на легкое признание рассчитывать не приходилось. Первыми неожиданно быстро выступили не исследователи эпоса, а участники различных политических движений. Известный татарский правозащитник Карим Яушев выставил на своём сайте мою статью со своим предисловием, смысл которого сводился к тому, что я, в преддверии переписи населения, стремлюсь поднять престиж башкирской нации, заявляя о столь древней консолидации предков башкир, и этим агитирую население указывать в переписных листах башкирскую национальность.

Творение Яушева с моей статьей и его предисловием выставили и другие оппозиционные сайты: Уфимский журнал, Открытая Уфа, Уфагуб (повторил через 3 года в феврале 2013г.) и другие, добавив свои комментарии. Они взяли на прицел процесс записи эпоса «Урал-батыр», его первого стенографа М.Бурангулова. Ими была развёрнута дискуссия по вопросу — а был ли эпос? Оппоненты без

какого-либо анализа текста утверждали, что это либо литературное сочинение, стилизация под подлинный фольклор писателя М.Бурангулова, либо переработанная и сведенная им в единый текст запись отдельных фольклорных произведений юго-восточных башкир. Этим они пытались отрицать подлинно народный характер и целостность эпоса. Добавляли от себя, что М.Бурангулов якобы был секретным сотрудником НКВД. Это о человеке, который провел шесть лет в сталинских лагерях.

Всё это было на уровне предположений — «либо так, либо эдак», без доказательств, что, в общем, характерно для публичных сайтов. И завершались эти нападки расхожей фразой от Игоря Кучумова, который заявил, что «в устных беседах с коллегами (безымянными, конечно. — **Р.В.**) крупный исследователь Р.Г.Кузеев говорил, что за 50 лет экспедиций по сбору этнографического материала у башкир он ни разу не слышал от них об этом «эпосе».

Оппоненты-политики уверяли, что всякая активация работы по эпосу «Урал-батыр», появление работ по этой теме связаны с переписью, выборами или иными публичными событиями, а сам эпос якобы рожден усилиями советской власти по конструированию единого башкирского народа, предпринимавшимися в 1920-ых годах.

Подобный материал периодически появляется в Интернете за подписью уже примелькавшихся лиц. Так, на сайте «Уфимский журнал» 17.04.2012г. была опубликована статья историка из Татарстана Д.Исхакова, в которой он пытается оценить запись эпоса 1910 года, сделанную сто лет назад, с точки зрения современных требований. Само по себе это абсурд. Вызывает недоумение вывод этого автора: «Как сообщал Бурангулов (кому, когда? — **Р.В.**), записанные от указанных кураистов варианты он систематизировал и объединил в один. Однако каков был принцип объединения, неизвестно. Таким образом, М.Бурангулов нарушил основные принципы подготовки фольклорного материала к печати и потому его «текст» не может иметь научной ценности».

Никакой логики. Рассчитано на невнимательного читателя — лишь бы породить сомнение. Какие принципы нарушил М.Бурангулов, если принцип, которым он пользовался, неизвестен, а оригиналы его записей эпоса не сохранились? Как легко рассуждает историк из Татарстана Д.Исхаков о научной ценности башкирского эпоса «Урал-батыр»! Впрочем, не он один. И до него находились «специалисты», отрицавшие ту же научную ценность, не прочитав ни строчки из этого эпоса. Вот что об этом писал М.Бурангулов в заявлении на имя первого секретаря Башкирского обкома КПСС Нуриева З.Н. (перевод с башк. мой. — **Р.В.**): «Мустай Карим, Кирей Мэргэн, Бакир Усманов, сердца которых были отравлены жестокостью Сталина, всё ещё пытаются руками Ахунзянова (секретарь Башобкома КПСС) похоронить и меня, и мои произведения. Он мне заявил: «В собранном тобой материале исторической ценности нет». Получается, я записал эпос «Урал-батыр» — ценности нет, а как только в 1961 году в журнале «Эдэби Башкортостан» А.Харисовым был опубликован другой вариант этого эпоса — историческая ценность вдруг появилась?»

Вот всё, что мы знаем от самого М.Бурангулова о работе конкретно над эпосом «Урал-батыр». Очень скудные строчки. Остальное всё — домыслы, в том числе и об объединении Бурангуловым различных вариантов, за которые его критикует Д.Исхаков. Историк сам выдумал это объединение,

сам же за него критикует Бурангулова. Как видим, заявление Д.Исхакова относительно научной ценности эпоса полностью совпадает с мнением партийного чиновника Т.Ахунзянова, ведавшего в Башкирском обкоме КПСС вопросами идеологии. Один принижал значение эпоса «Урал-батыр» при жизни М.Бурангулова, а другой — уже после его смерти, стремясь противодействовать восстановлению истинной истории башкир, уходящей корнями вглубь тысячелетий. Направление деятельности Д.Исхакова в этой области нам хорошо известно.

Что же касается заявления И.Кучумова о словах известного этнографа Р.Г.Кузеева, якобы сказанных об эпосе «Урал-батыр», то в уста покойного можно вложить всё, что угодно, даже не лично услышанное, а слова, сказанные «в беседах с коллегами». Остается только неясным, как эти слова стали известны И.Кучумову. Его уровень студента и недавнего выпускника вуза при жизни Р.Г.Кузеева был явно не тот, чтобы он приглашал Кучумова на беседы с коллегами или делился воспоминаниями о беседах с ними.

Р.Г.Кузеев знал эпос «Урал-батыр» не понаслышке. Дело в том, что он многие годы (1960—1987) работал заместителем председателя Президиума Башкирского филиала АН СССР, курировал гуманитарные науки. Именно к нему поступали заявления М.Бурангулова с предложением опубликовать эпос «Урал-батыр». Кузеев был знаком с текстом эпоса. Он, пожалуй, первым оценил историзм данного эпоса. Понял он и то, что этот историзм направлен против его кочевнической концепции происхождения башкирского народа. Согласно эпосу, предки башкир не были кочевниками, а жили на Урале оседло с древнейших времен. Главное, из эпоса проявлялось, что башкирский этнос сформировался за несколько тысячелетий до того, как появился этноним «башкорт», а концепция Кузеева о происхождении башкирского народа начиналась с поиска этнонима «башкорт» в арабских письменных источниках. В эпосе «Урал-батыр», в отличие, например, от киргизского эпоса «Манас», нет ни слова о кочевании со скотом, как нет этого и в других произведениях башкирского народного творчества. Поэтому рукопись эпоса осталась лежать в архиве Института истории, языка и литературы и не была опубликована.

В конце 1980-х годов мне довелось неоднократно встречаться с Раилем Гумеровичем при работе над книгой «Пчелы и люди», посвященной истории башкирского бортничества [11]. Мои исследования уже тогда показали, что башкирское бортничество, как и эпос «Урал-батыр», шло вразрез с его кочевнической теорией происхождения башкирского народа. Во время одной из встреч я рассказал ему о том, что в эпосе «Урал-батыр» есть упоминания о медоносных пчелах, роях и пчелиной матке, о сборе нектара с цветков медоносных растений. Показал ему эти строки по изданию 1981 года [12]. Мы обсудили их. Раиль Гумерович ни единым словом не высказал сомнения в подлинности эпоса «Урал-батыр». Подчеркну, это был конкретный разговор по этому эпосу на конкретную тему, а не эфемерная «беседа с коллегами».

Мне, конечно, было интересно, как именитый ученый относится к доводам, разрушающим его концепцию, которой он посвятил немало трудов и которая, собственно, и принесла ему имя в научном мире. Возникло противоречие: башкирские борти были лесной недвижимостью оседлого населения, а башкиры по его концепции — степными кочевниками. Тогда он попытался совместить борти с кочевьями, выдвинув идею Урало-Аральского цикла коче-

вания башкир. Он полагал, что башкиры летом жили на Урале, бортничали, а осенью уходили со скотом через сгоревшие летом степи на берега Аральского моря. Однако, эта идея не нашла подтверждения ни среди археологов, ни среди этнографов, знакомых с отгонно-пастбищным содержанием скота, которое Кузеев путал со скотоводством кочевым.

Не таким уж безобидным собранием мифов оказался эпос «Урал-батыр». Ломал как людские судьбы, так и исторические концепции. Однако, не мнения отдельных ученых, пусть даже весьма авторитетных, а объективные факторы утверждают истину. Этими факторами могут быть связи эпоса с другими аналогичными литературными произведениями, современными ему творениями человека в иных областях, мифами, преданиями, легендами, пословицами и поговорками, с археологическими материалами, а также с сохранившимися произведениями искусства, названиями рек, гор, родов. Можно создать подделку эпоса, но невозможно фальсифицировать эти связи.

Мог ли Мухаметша Бурангулов сочинить эпос и, скрыв своё авторство, представить его народным произведением? Смысла не было. Наоборот, сохранив своё авторство, он получил бы признание и мог претендовать на гонорар в случае издания. Надо сказать, что М.Бурангулов совсем не безразлично относился к своему авторству. Как выше отмечалось, неоднократно его произведения присваивались другими людьми. Бурангулов отстаивал своё авторство в судах, но что мог сделать простой учитель, отдавший рукопись пьесы руководителю театра без всякой регистрации? Какие-то места в тексте директору театра могли не понравиться, и он мог отдать рукопись на доработку своему сценаристу, а тот уже, внося поправки, начинал считать произведение своим. Но, как видим, своим авторством М.Бурангулов очень дорожил, отстаивал его в суде против крупных чиновников.

Если бы эпос «Урал-батыр» был сочинен М.Бурангуловым и «вброшен» в фольклорный материал под видом народного произведения, то он бы резко выделялся среди эпосов по языку, стилю изложения. Однако ни один исследователь эпоса не отметил ничего подобного. К сожалению, вся критика реальности эпоса «Урал-батыр» основывается не на детальном изучении этого произведения и его связей, а на поверхностных суждениях, имеющих политическую, антибашкирскую основу.

Как ни странно, различные версии происхождения эпоса «Урал-батыр», отличные от народной, древнебашкирской, выдвигались и выдвигаются некоторыми авторами, которых трудно обвинить в антибашкирской позиции. Их мнения порождены следующими обстоятельствами. В эпосе «Урал-батыр» есть раздел, посвященный пребыванию индоевропейцев-ариев на территории Исторического Башкортостана. Это страна царя Катилы. Она красочно представляет зороастрийские обычаи и традиции ариев, а археологические исследования их подтверждают [13]. Причем археологи относят пребывание ариев на Урале к эпохе бронзы, к первой четверти II тысячелетия до н.э. Это за тысячу лет до принятия зороастризма в Персидской державе.

Однако до сих пор в среде историков Башкортостана существует ошибочное мнение, что зороастризм имеет персидское происхождение. Удивительно живуч этот «комплекс вторичности» башкирской культуры, воспитывавшийся в среде башкирской интеллигенции уже не один десяток лет. Он не позволяет некоторым нашим исследователям отказаться от мысли, что все элементы культуры башкир пришли с Ближнего Востока. «Раз зороастризм есть в эпосе «Урал-батыр»,

значит, он пришел из Персии», — утверждают некоторые титулованные историки и их подражатели. Академик АН РБ Н.Мажитов назвал даже персидских авторов, переносчиков эпоса — кочевые племена даев [14]. Наша полемика с Н.Мажитовым на эту тему изложена в моей статье [15].

Трагична судьба М. Бурангулова. Он сохранил для человечества великий эпос «Урал-батыр» и другие произведения башкирского народного творчества. Однако признания не получил. Ни при жизни, ни потом. Отсидел шесть лет в сталинских лагерях. Столь же тяжела судьба эпоса «Урал-батыр». Народ его создал, тысячи сэсэнов разных поколений приняли в этом участие. Они пронесли эпос через тысячелетия, но находятся люди, которые ставят это под сомнение.

Наверное, это также общечеловеческая традиция. Около всякого великого произведения возникает вопрос авторства. Сколько лет уже обвиняют М.Шолохова в плагиате при написании «Тихого Дона». А «гомеровский вопрос» — «был ли Гомер?» муссируется вот уже 27 веков. Все эти пересуды вокруг эпоса «Урал-батыр» ещё раз убеждают нас в том, что это великое произведение. Выше упомянуты имена некоторых очень влиятельных в своё время людей. Ни в коей мере не хочу их опорочить, ведь они были людьми своего времени, своей страны. Не ими были сотворены законы, нравы и обычаи того времени, по которым они жили. Однако скрывать и замалчивать трагическую судьбу М.Бурангулова было бы недостойно перед его памятью. Она заслуживает увековечения и надеюсь, благодарные потомки все-таки сделают это.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агидель, №7, 2006, с.173—179. Заявления, письма М.Бурангулова в партийные органы, его автобиографию нашел в архивах журналист Ризван Хажиев.
2. *Вахитов Радик*. От Урал-батыра до Салавата Юлаева. — Уфа: Китап, 2009.
3. Агидель. №8. 1968.
4. Библиотека всемирной литературы. Героический эпос народов СССР. Т.1. — М., 1975.
5. *Галлямов С.А.* Башкорды от Гильгамеша до Заратустры. — Уфа: Китап, 2005.
6. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. — М.: Наука, 1974.
7. Геродот. История. — М.: АСТ, 2006.
8. Газета «Республика Башкортостан», №38, 03.03.2010.
9. *Татищев В.Н.* История Российская. Т.1. — М.: Ермак, 2005. С.95.
10. *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. — М.: АСТ, 2008.
11. *Вахитов Радик*. Пчелы и люди. — Уфа: Башкнигоиздат, 1992.
12. Урал-батыр. Башкирский народный эпос. — Уфа: Башкнигоиздат, 1981.
13. *Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. — М.: Наука, 1967.
14. *Мажитов Н.А.* К вопросу о происхождении башкирского народа. Проблемы востоковедения, №3, 2011. С.20—32.
15. *Вахитов Р.Ш.* О приоритете филологических методов в исследовании этногенеза башкирского народа. Проблемы востоковедения, №3, 2014. С.92—101.